

**ВЕСТНИК
Томского государственного университета**

2019. № 438. Январь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2019. № 438. January

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

А.С. Гамбарян, Л.Г. Даллакян

ПРОБЛЕМЫ КОНКУРЕНЦИИ КОЛЛИЗИОННЫХ НОРМ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ПРАКТИКЕ

Исследуется проблематика коллизионных норм и коллизионных правил толкования. Рассматриваются вопросы конкуренции коллизионных средств и правила их разрешения, вопросы понятия коллизионных средств, конкуренции коллизионных норм в российской и зарубежной доктрине, а также законодательное регулирование и практика разрешения конкуренции коллизионных норм в правовых системах РФ и некоторых постсоветских государств.

Ключевые слова: коллизионная норма; конкуренция коллизионных средств; *lex superior derogat legi interior*; *lex specialis derogate legi generali*; *lex posterior derogat legi prior*.

Соотношение коллизионных норм и коллизионных правил толкования

В юридической науке и практике известны иерархические, темпоральные, содержательные, предметные (отраслевые), компетенционные и другие разновидности коллизий, а также *правила их разрешения*; конкуренция между ними и является предметом нашего исследования. Если правоприменительный орган сталкивается с противоречащими друг другу нормами, возникает вопрос, какими критериями (правилами) ему необходимо руководствоваться, чтоб решить, какой именно норме отдать предпочтение. В современных правовых системах для разрешения коллизий предусмотрены соответствующие правила – коллизионные нормы, закрепленные в позитивном праве и призванные указывать уполномоченным органам и должностным лицам, какая из противоречащих друг другу норм имеет приоритет. Кроме того, в рамках юридической герменевтики были разработаны определенные критерии толкования – коллизионные правила толкования, с помощью которых уполномоченный орган решает, какую из противоречащих друг другу норм он должен применить. Хотя данные критерии не наделены нормативностью позитивного права, однако исторически применялись в качестве средств для разрешения коллизий.

Так, Д. Левин отмечал, что ни один законодатель не может предусмотреть в тексте закона все частные случаи, при которых может возникнуть коллизия. Из постулата единства права вытекает, что в тех случаях, когда закон прямо не указывает, какая из коллизионных норм должна быть применена, этот вопрос решается самим правоприменительным органом на основании общих правил, выработанных юридической наукой, как, например, правила о предпочтении более новых норм старым (*lex posterior derogate priori*), специальных норм – общим и т.п. Все эти правила исходят из непротиворечивости системы права как необходимой презумпции [1. С. 90]. Таким образом, средствами разрешения коллизий являются как коллизионные нормы, закрепленные государством в позитивном праве, так и разработанные наукой коллизионные правила толкования.

Констатируем, что в армянской правовой реальности встречаются случаи, когда возникают противоре-

чия между общепризнанным юридической наукой коллизионным правилом толкования и коллизионной нормой, установленной государством. Так, прошедший апробацию на протяжении веков и получивший научное признание общеизвестный принцип *lex posterior derogat legi prior*, казалось бы, приобрел характер аксиоматического требования. Так, А. Чашин отмечает: «принцип римского права “*Lex posterior derogat legi priori*” достиг такого уровня доктринальной общепризнанности, которая делает его общеобязательным и единообразно применимым ко всем схожим ситуациям, то есть нормативным» [2. С. 79]. Тем не менее в армянской практике сложилась другая ситуация. В части 3 ст. 24 принятого в 2002 г. Закона РА «О правовых актах» было установлено, что новый правовой акт, изданный одним и тем же органом, не должен противоречить принятым ранее и вступившим в силу правовым актам, обладающим равной юридической силой. В случае коллизии принятых одним и тем же органом правовых актов, обладающих равной юридической силой, действуют нормы правового акта, вступившего в силу ранее. Отечественные юристы на протяжении многих лет поднимали вопрос о том, что указанная норма нарушает принцип “*lex posterior derogat legi prior*”, известный еще со времен эпохи римского права и нашедший воплощение в доктрине и нормативных актах многих стран. Данный принцип гласит: «позднейшим законом отменяется более ранний». Сохранение этого принципа на протяжении веков свидетельствует о его важности и аксиоматическом характере [3. С. 520].

Казалось, что после обсуждения нового законопроекта «О нормативных правовых актах», принятого в 2018 г., прежний ошибочный подход будет устранен, однако предположения не оправдались. В пункте 3 ч. 1 ст. 24 принятого в 2018 г. Закона РА «О нормативных правовых актах» было установлено, что в случае коллизий между нормативно-правовыми актами применяются нормы нормативного акта, который вступил в силу ранее. Таким образом, законодатель во второй раз допустил ту же ошибку, закрепив в нем коллизионную норму, которая противоречит выработанной юридической наукой и практикой аксиоматической истине – «позднейшим законом отменяется более ранний», что, по-нашему мнению, является неоправданным.

Конкуренция коллизионных средств. На практике возникают ситуации, когда для устранения противоречий между правовыми нормами могут применяться несколько коллизионных средств. Так, принятая ранее вышестоящая в иерархии правовая норма может противоречить принятой позднее нижестоящей норме (сложная коллизия, состоящая из иерархической и темпоральной составляющих); позднее принятая общая норма может коллизировать с ранее принятой специальной (сложная коллизия, состоящая из темпоральной и содержательной составляющих); позднее принятая общая норма большей юридической силы может противоречить ранее принятой специальной норме меньшей юридической силы (здесь налицо три составляющие коллизии: иерархический, временной и содержательный факторы). В литературе подобные ситуации называют совпадением коллизий или сложными коллизиями [4. С. 65–66]. К примеру, между УПК РА и Судебным кодексом РА наличествует коллизия в отношении отказа в удовлетворении ходатайства о самоотводе судьи. УПК РА (принят в 1998 г.) устанавливает, что решение об отказе в удовлетворении ходатайства о самоотводе судьи не может быть обжаловано, в то время как Судебный кодекс РА (принят в 2007 г.) напрямую устанавливает, что лицо может обжаловать данное решение в апелляционный суд РА.

Для разрешения данной коллизии может быть применено несколько коллизионных средств. Если взять за основу правило *lex posterior derogat legi priori*, то предпочтение следует отдать Судебному кодексу, так как он был принят позже; если же руководствоваться правилом предметного (отраслевого) приоритета, то необходимо применить УПК РА, поскольку институт отвода судьи является не вопросом судостройства, а процессуальным вопросом, представляя собой предмет регулирования процессуального закона. Если же правоприменитель намерен руководствоваться третьим коллизионным правилом, т.е. канонем «благоприятный для частного лица закон отменяет действие благоприятного для государства закона», то предпочтение необходимо отдать Судебному кодексу РА, так как он, в отличие от УПК РА, предоставляет лицам возможность непосредственно обжаловать решение судьи об отказе в удовлетворении ходатайства о самоотводе судьи. В таких случаях правоприменительный орган оказывается перед сложным выбором – какую коллизионную норму применить?

К примеру, итальянский специалист по международному праву Д. Анцилотти отмечает: «В международном праве может получить применение также известное правило *lex posterior generalis non derogat legi speciali* [5. С. 109]. Здесь автор говорит о двух коллизионных нормах – *lex specialis derogate legi generali* и *lex posterior derogat legi priori*, и приходит к заключению, что последующий общий закон не отменяет предшествующий специальный закон, иными словами, в случае конкуренции между указанными коллизионными нормами предпочтение отдается правилу «*lex specialis derogate legi generali*».

Немецкий специалист по гражданскому праву Л. Энкецерус, обсуждая вопрос соотношения законов кайзеровского периода и нового гражданского законодательства, отмечал, что новый общий закон не может отменить старый специальный закон [6. С. 55–56]; соответственно, автор в вопросе конкуренции указанных коллизионных норм также отдает предпочтение правилу «*lex specialis derogate legi generali*». Обратимся к рассмотрению проблем конкуренции коллизионных норм в истории российской юридической науки.

Конкуренция коллизионных норм в российской правовой доктрине. В дореволюционный период вопрос конкуренции коллизионных норм не становился предметом специального обсуждения, более того, в данный период в литературе, относящейся к общей теории права, такие понятия, как «правовая коллизия» и «конкуренция» не имели большого применения, данные определения больше встречались в работах, относящихся к международному частному праву, или относились к конфликтам между различными правами человека. В области толкования норм права отдельными авторами обсуждались вопросы выбора между противоречивыми выводами, вытекающими и из одной или нескольких норм.

Так, Е.В. Васьковский отмечал: «Если по отношению к данному случаю можно сделать несколько противоречащих друг другу выводов из одной и той же нормы или из разных норм, то предпочтение следует отдать тому выводу, который достоверен, перед теми, которые только вероятны, а если все они только вероятны, то наиболее вероятному, применяя правила, служащие руководством при толковании двусмысленных норм. Выводы, делаемые из норм, различаются между собой по степени своей вероятности: они могут быть либо вполне достоверными, либо только вероятными. Само собою понятно, что если приходится делать выбор между достоверным и вероятным выводами, то преимущество должно быть отдано первому, так как он обнаруживает скрытое содержание нормы с полной несомненностью. Но когда коллизия происходит между двумя вероятными выводами, то не остается ничего другого, как предпочесть наиболее вероятный, основываясь на тех же предположениях, которыми определяется выбор одного из возможных значений двусмысленной нормы [7. С. 144–145].»

В начальный период формирования Советского государства в рамках теории права вопросы конкуренции коллизионных норм не являлись предметом специальных исследований. В данный период наиболее систематизированным образом вопрос конкуренции был изучен Н.А. Власенко, который в своей монографии «Коллизионные нормы в советском праве» посвятил ему отдельный параграф. Н.А. Власенко отмечает, что на практике случаи, когда возникает совпадение коллизий, случаются нечасто, т.е. между нормами возникают несколько различных коллизионных отношений, в результате чего между коллизионными правилами в свою очередь возникают коллизии. Автор, ссылаясь на работы польских ученых К. Опалка и Е. Врублевского, обсуждает вопрос совпадения

Правовое регулирование конкуренции коллизийных норм в Российской Федерации, Беларуси и Казахстане

и разрешения темпоральных и иерархических, темпоральных и содержательных, иерархических и содержательных коллизий [8. С. 90–95].

На начальном отрезке постсоветского периода, в 1992 г. вопрос конкуренции коллизийных норм комплексно исследовал В. Ершов, который выработал следующие предложение: в случае совпадения нескольких видов коллизий приоритет прежде всего отдается правовой норме, имеющей более высокую юридическую силу, затем исключающим и специальным правовым нормам и, наконец, правовым нормам, принятым в более позднее время [9. С. 123].

М. Занина также обратилась к вопросу конкуренции коллизийных норм, в частности к конкуренции как минимум двух различных коллизийных норм. Она отмечает: «При столкновении двух норм одной отрасли законодательства, принятых в разное время и не являющихся общей и специальной нормами, следует применять правило «последующий закон отменяет действие предыдущего». Если нормы права, принятые в разное время, являются общей и специальной, то приоритетом должно обладать правило «*lex specialis derogat lex generalis*» [10. С. 11].

Автор полагает, что между общей и специальной нормами возникает не коллизия, а конкуренция, а относительно интересующего нас вопроса автор отмечает, что в случае конкуренции общих и специальных норм темпоральное правило действовать не может. Кроме того, автор настаивает на том, что при противоречиях двух норм разных отраслей законодательства следует применять норму, специально предназначенную для регулирования тех или иных общественных отношений, т.е. руководствоваться принципом отраслевого приоритета, а не правилами разрешения темпоральных противоречий или конкуренции общей и специальной норм [Там же].

В опубликованной недавно работе А.А. Петрова и Е.Ю. Тихонравова конкуренции коллизийных норм или, как отмечают авторы, сложным коллизиям посвящена отдельная глава. По их словам, в отечественной доктрине признано, что иерархическая коллизийная норма имеет приоритет и над содержательной, и над темпоральной. То есть ранее принятый вышестоящий закон сильнее позднее принятого нижестоящего, а общий вышестоящий закон сильнее специального нижестоящего. Такое соотношение в целом само по себе не вызывает серьезных теоретических споров, поскольку не вызывает сомнений главенство идеи иерархической соподчиненности формальных источников права относительно идеи непротиворечия воли конкретной легислатуры и идеи точности правовой регламентации [4. С. 66]. Сложнее определить применимое правило, когда друг другу противоречат позднее принятая общая и ранее принятая специальная нормы права, т.е. когда совпадают содержательная и темпоральная коллизии, поскольку неочевидно, какой критерий (*lex posteriori* или *lex specialis*) следует выбирать для ее разрешения [11. С. 31].

Одной из особенностей формирования национального законодательства на постсоветском пространстве стала разработка и принятие законов о нормативных правовых актах, в которых помимо закрепления понятия, видов и иерархии нормативно-правовых актов и правил нормотворческой техники устанавливались основополагающие правила разрешения правовых коллизий и затрагивались вопросы конкуренции коллизийных норм.

Рассмотрим, каким образом регулируется разрешение коллизий в проекте ФКЗ РФ «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», подготовленном Министерством юстиции РФ в 2014 г. В части 1 ст. 60 проекта закреплена легальная дефиниция коллизии: «Расхождение или противоречие между нормативными правовыми актами, регулирующими одни и те же общественные отношения, означает юридическую коллизия». В части 3 той же статьи установлены правила разрешения *иерархических, содержательных и темпоральных коллизий*, а также делается акцент на *последовательности* применения данных правил, т.е. установлено правило *разрешения конкуренции коллизийных норм*.

Так, согласно ч. 3, в случае возникновения юридических коллизий применению подлежит нормативный правовой акт, приоритет которого определяется в следующей последовательности:

- 1) нормативный правовой акт высшей юридической силы имеет преимущество над нормативным правовым актом меньшей юридической силы;
- 2) специальный нормативный правовой акт имеет преимущество перед общим нормативным правовым актом;
- 3) более поздний нормативный правовой акт имеет преимущество над более ранним нормативным правовым актом.

Как видим, законодатель применяет классические каноны «специальный закон отменяет действие общего» (*lex specialis derogat generali*) и «позднейший закон отменяет более ранний» (*lex posterior derogat legi priori*). Кроме того, закон закрепляет *приоритет иерархической коллизийной нормы над содержательной и темпоральной, а также преимущество содержательной нормы над темпоральной*.

Так, приоритет норм правового акта высшей юридической силы над нормами правового акта меньшей юридической силы действует и в том случае когда:

- 1) нормативно-правовой акт меньшей юридической силы является специальным, а нормативный акт высшей юридической силы – общим;
- 2) нормативно-правовой акт меньшей юридической силы является более поздним, чем нормативно-правовой акт более высокой юридической силы.

Приоритет специального нормативного акта над общим (т.е. правило: *специальный закон отменяет общий*) действует и в том случае, когда специальный нормативный акт принят раньше, чем более поздний, но общий нормативный акт.

Приоритет специального акта над общим *не действует*, если специальный нормативный акт имеет меньшую юридическую силу, чем общий нормативный акт более высокой юридической силы.

Приоритет более позднего нормативно-правового акта над более ранним нормативным правовым актом не действует в случае, если:

1) более ранний нормативно-правовой акт имеет более высокую юридическую силу, чем поздний;

2) более ранний нормативно-правовой акт является специальным актом, а более поздний нормативно-правовой акт является общим.

Разрешение *компетенционных* коллизий в законопроекте регулируется следующим образом. В части 9 ст. 10 проекта закрепляется приоритет федерального законодательства над законодательством субъектов РФ, принятого по предметам исключительного ведения РФ и совместного ведения РФ и субъектов РФ. Однако согласно абз. 2 ч. 9 указанной статьи в случае противоречия между федеральным законодательством и нормативным актом субъекта РФ, который принят (издан) вне пределов ведения РФ, а также совместного ведения РФ и субъектов РФ, действует нормативный правовой акт субъекта РФ. Данное регулирование непосредственно вытекает из ст. 76 Конституции РФ, устанавливающей разграничение правового регулирования между Федерацией и ее субъектами.

Таким образом, указанный законопроект исчерпывающим образом устанавливает правила разрешения основных видов коллизий, одновременно установив приоритет одних коллизионных норм над другими. При этом приоритет иерархической коллизионной нормы при конкуренции коллизионных норм действует во всех случаях, за исключением наличия компетенционной коллизии.

Отметим, что в правоприменительной практике РФ получило регулирование разрешение *отраслевой коллизии* (между нормами равной юридической силы) посредством необходимости руководствоваться принципом отраслевого приоритета, т.е. предметной коллизионной нормой, а не правилами разрешения темпоральной и содержательной коллизий¹.

Разрешение конкуренции коллизионных норм в Республике Беларусь. Статья 70 Закона «О нормативных правовых актах» Республики Беларусь (от 10 января 2000 г.) закрепляет правила разрешения *иерархических и темпоральных коллизий, а также отдельные вопросы конкуренции коллизионных норм*. Так, согласно порядку, закрепленному в ч. 1 ст. 70 указанного закона, в случае коллизии между нормативными правовыми актами субъекты правоотношений обязаны руководствоваться предписаниями нормативного правового акта большей юридической силы. Согласно ч. 2 ст. 70 в случае коллизии между нормативными правовыми актами, обладающими равной юридической силой, и если ни один из них не противоречит акту с более высокой юридической силой, действуют положения акта, принятого (изданного) позднее.

Отдельно в ст. 23 закона регулируются правила разрешения *компетенционных коллизий*, связанных не столько с иерархией и юридической силой нормативных актов, сколько с компетенцией принявших их ор-

ганов. Так, когда наличествует коллизия между нормативными актами, принятыми органами одного уровня, то большей юридической силой обладает нормативно-правовой акт (в том числе временный), изданный нормотворческим органом (должностным лицом), который был специально уполномочен на правовое регулирование определенной сферы общественных отношений (ч. 12 ст. 23).

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что согласно ст. 70 при разрешении конкуренции коллизионных норм законодатель отдает приоритет действию нормы более высокой юридической силы, расположив данное правило в порядке первоочередности («on a priority basis») в части первой данной статьи. Далее в части второй данной статьи при разрешении актов равной юридической силы, т.е. темпоральных коллизий, законодатель применяет классический канон «последующий закон отменяет действие предыдущего». Однако данное правило не действует, если:

1) один из двух противоречащих актов равной юридической силы одновременно противоречит акту с более высокой юридической силой (*сложная коллизия*). В подобном случае действует тот акт, который, возможно, и был принят ранее, но при этом не входит в противоречие с вышестоящим актом, обладающим более высокой юридической силой;

2) один из двух противоречащих актов равной юридической силы издан органом, который был специально уполномочен на регулирование определенной области общественных отношений (*компетенционная коллизия*). В данном случае действует не позднейший нормативно-правовой акт, а нормативных акт, изданный специально уполномоченным на его принятие субъектом.

Таким образом, при наличии конкуренции коллизионных норм законом установлены приоритет иерархической коллизионной нормы над иными коллизионными нормами, а также преимущество компетенционной коллизионной нормы над темпоральной.

В рассматриваемом законе не регулируется разрешение *содержательных коллизий* между общими и специальными нормативными актами, не уточняется вопрос конкуренции общих и специальных норм. Тем не менее, несмотря на то что согласно указанному закону кодексы имеют большую юридическую силу, чем законы (абзац 2 ч. 3 ст. 23), на уровне отраслевого законодательства приоритет может отдаваться специальной норме, а также специальному закону².

Разрешение конкуренции коллизионных норм в Республике Казахстан. Статья 12 закона Республики Казахстан «О правовых актах» (от 6 апреля 2016 г.) устанавливает правила разрешения *иерархических и темпоральных коллизий*, расположив в порядке первоочередности правило приоритета вышестоящей нормы над нижестоящей, а затем правило преимущества более поздней нормы над нормой, введенной в действие ранее.

В законе напрямую не оговорены правила разрешения *компетенционных коллизий*. Тем не менее, согласно ч. 3 ст. 34 закона, принятие нормативно-правового акта уполномоченным органом допускает-

ся только в случаях, когда компетенция уполномоченного органа по принятию данного акта прямо предусмотрена законодательством республики. Соответственно, можно сделать вывод, что при наличии коллизий между двумя нормативно-правовыми актами, один из которых является нижестоящим в иерархии, а второй – хотя и вышестоящим, но принятым органом, вышедшим за пределы своей компетенции, установленной законом, действуют нормы первого нормативно-правового акта. *Тем самым, приоритет иерархической коллизионной нормы при конкуренции коллизионных норм действует во всех случаях, за исключением наличия компетенционной коллизии.*

В законе не предусмотрено разрешение *содержательных коллизий*, соответственно, согласно смыслу данного закона действует универсальное правило – равноуровневые содержательные коллизии разрешаются в пользу вышестоящей нормы, одноуровневые содержательные коллизии – в пользу более поздней нормы. Тем не менее в отраслевом законодательстве в определенных областях действует *приоритет специального закона над общим и даже преимущество содержательной коллизионной нормы над иерархической*³. В уголовном законодательстве действует *приоритет специальной нормы над общей*, если деяние предусмотрено общей и специальной нормами (ч. 3 ст. 13 УК РК).

Правовое регулирование конкуренции коллизионных норм в Республике Армения

Регулирование конкуренции коллизионных норм согласно закону РА «О нормативных правовых актах». В ст. 40 закона РА «О нормативных правовых актах» (2018 г.) закреплено четкое правило разрешения конкуренции коллизионных норм. В указанной статье установлено: «В случае коллизии между нормами, содержащимися в нормативных правовых актах, согласно очередности применяются следующие правила, при этом каждое последующее правило применяется, если неприменимо предыдущее правило...» Фактически очередность изложения четырех коллизионных норм в законе выполняет функцию разрешения конкуренции коллизионных норм. Так, в случае конкуренции коллизионных норм они применяются в следующей последовательности:

Коллизионная норма первой очереди. Если друг другу противоречат нормы различной юридической силы, то вышестоящий закон отменяет действие нижестоящего (*lex superior derogat legi inferiori*). Коллизионная норма *lex superior* имеет приоритет даже в тех случаях, когда:

1) норма меньшей юридической силы является специальной нормой, а норма более высокой юридической силы – общей. (К примеру, если постановление Правительства РА содержит специальную норму, а закон РА – общую);

2) норма, меньшей юридической силы была принята позже, чем норма более высокой юридической силы (к примеру, постановление Правительства РА было принято в 2017 г., а закон – в 1998 г.);

3) норма меньшей юридической силы содержит правила более благоприятные для лица, чем норма более высокой юридической силы (позиция авторов относительно конкуренции между коллизионными нормами, отдающими приоритет нормам более высокой юридической силы, и нормами, отдающими приоритет противоположениям, более благоприятным для лиц, будет представлена ниже).

Правило «норма, имеющая более высокую юридическую силу, отменяет действие нормы, имеющей более низкую юридическую силу» не имеет приоритета в случае, когда правовой акт, имеющий более высокую юридическую силу, вышел за рамки предмета своего правового регулирования. В данном случае применяется правило предметного (отраслевого) приоритета. Так, И.Е. Васев выделяет вопрос конкуренции «отраслевого (предметного) преимущества» и иных коллизионных правил и четко заключает, что правило «отраслевого (предметного) преимущества» действует как в случае норм равной, так и различной юридической силы. Иными словами, если между нормами различной юридической силы возникает коллизия, однако предмет данного правоотношения регулируется отраслью права, имеющей более низкую юридическую силу, то предпочтение необходимо отдать не коллизионной норме *lex superior*, а правилу отраслевого (предметного) преимущества [12. С. 137].

То есть если конституционный закон, имеющий более высокую юридическую силу, к примеру, принятый в 07.02.2018 конституционный закон «Судебный кодекс РА», выйдя за пределы своего предмета регулирования, устанавливает норму, относящуюся к деятельности прокуратуры и противоречащую закону РА «О прокуратуре», то в таком случае действует не правило *lex superior*, а коллизионное правило предметного (отраслевого) приоритета, т.е. применяется закон «О прокуратуре».

Коллизионная норма второй очереди. Если существует противоречие между общими и специальными нормами, то специальный закон отменяет действие общего (*lex specialis derogat legi generali*), при этом коллизионная норма *lex specialis* имеет приоритет над нормой *lex posterior* и правилом «приоритета нормы, более благоприятной для лиц». Коллизионная норма *lex specialis* имеет приоритет даже в тех случаях, когда:

1) общая норма была принята позже, чем специальная норма (*lex posterior generalis non derogat priori speciali*);

2) общая норма содержит более благоприятное для лиц правило, чем специальная норма.

Правило «специальная норма отменяет действие общей нормы» не имеет приоритета, если:

1) общая норма обладает более высокой юридической силой, чем специальная норма (в этом случае применяется не специальная норма, а общая норма, имеющая более высокую силу);

2) общая норма закреплена в общей части нормативного акта, а специальная – в особенной части (в этом случае применяется не специальная, а общая норма). Так, согласно п. 2 ст. 40 закона РА «О нормативных правовых актах» в случае коллизий между общей и специальной нормой действует специальная норма,

однако если нормативный акт имеет общую и особенную части, то при коллизиях между данными частями действуют нормы общей части.

Коллизионная норма третьей очереди. Если друг другу противоречат нормы права, вступившие в силу в различное время, то в силу *правовой аксиомы* применяется правило «последующий закон отменяет действие предыдущего» (*lex posteriori derogat legi priori*). Правило «последующий закон отменяет действие предыдущего» не имеет приоритета в случаях, если:

1) норма, принятая ранее, имеет более высокую юридическую силу, чем норма, принятая позднее (в данном случае применяется принятая позже, но имеющая более высокую юридическую силу норма);

2) норма, принятая ранее, является специальной нормой, а норма, принятая позднее, является общей нормой (в этом случае применяется более ранняя, но имеющая специальный характер норма);

3) изменение, внесенное в общую часть того же акта, было произведено ранее, чем изменение, внесенное в особенную часть акта (в данном случае применяется принятая ранее, но закрепленная в общей части акта норма).

Коллизионная норма четвертой очереди. Если друг другу противоречат нормы, благоприятные для лиц, и нормы, неблагоприятные для органов публичной власти, действует правило «приоритета норм, благоприятных для лиц», если нет оснований для применения вышеперечисленных коллизионных норм. Так, согласно п. 4 ст. 40 того же закона применению подлежит норма нормативного акта, благоприятного для физических и юридических лиц, если изменение данной нормы не затрагивает права и законные интересы иных лиц.

Отметим, что, в отличие от рассмотренного выше законодательства, где никак не урегулирован вопрос разрешения коллизий с учетом приоритета нормативных актов, более благоприятных для физических и юридических лиц, законом Республики Армения данный вопрос специально урегулирован, что выгодно отличает его от аналогичных законов. Однако, по нашему мнению, подход законодателя о применении данного правила в порядке последней очереди является спорным. К примеру, А.А. Тилле отмечал, что старые специальные нормы не могут быть отменены новыми общими, если ранее принятое правило закрепляет права (свободы) личности или гарантии их реализации, отсутствующие в новой общей норме [13. С. 31–32].

Конкуренция между коллизионным правилом *lex superior* и правилом «приоритета нормы, благоприятной для лиц». Противоречие между правилом «приоритета нормы, благоприятной для лиц» и иными коллизионными нормами является сложным вопросом, так как здесь пересекаются несколько конституционных ценностей: с одной стороны, человек является высшей ценностью и государство обязано уважать его права, с другой стороны, существует принцип правовой определенности и безопасности. Если рассматривать правило «приоритета нормы, благоприятной для лиц» в качестве коллизионной нормы последней очереди во всех случаях (как это предусмотрено Законом РА «О нормативных правовых ак-

тах»), то получается, что во имя определенного формально-юридического подхода приносится в жертву ценностное требование о наибольшей защите прав человека. С другой стороны, если рассматривать правило «приоритета нормы, благоприятной для лиц» в качестве правила первой очереди относительно иных конкурирующих коллизионных норм, то, на первый взгляд, нарушается иерархия правовой системы и во имя частного интереса приносится в жертву ценностное требование об определенности и безопасности правовой системы.

Таким образом, попытка разрешить сложные вопросы соотношения «приоритета нормы, благоприятной для лиц» и иных коллизионных норм посредством выработки единого универсального правила или общего принципа (как это сделано в Законе «О нормативных правовых актах») является неверным подходом, соответственно, к данному вопросу необходимо подойти дифференцированно. В свою очередь, при разрешении конкуренции коллизионных правил *lex superior* и «приоритета нормы, благоприятной для лиц» необходимо провести разграничение в зависимости от того, к какой ступени правовой иерархии относится правовая коллизия – конституционной, международно-правовой, законодательной или подзаконной. Рассмотрим указанные случаи.

1. Аксиоматической истиной в юриспруденции является то, что конституционно-правовые нормы имеют приоритет над законодательными нормами, и в случае противоречий между ними безоговорочно действует конституционно-правовая норма. Таким образом, в случае противоречий конституционной и иных правовых норм применение коллизионного правила *lex superior*, в целом, является приемлемым, однако это не должно восприниматься как окаменевшая и абсолютная истина. Полагаем, что правило *lex superior* не имеет преимущества перед правилом «приоритета нормы, благоприятной для лиц» в тех случаях, если благоприятные для прав человека нормы имеют в своей основе конституционные ценности, закрепленные в ст. 3 (обязанность государства соблюдать права человека), 78 (принцип соразмерности при ограничении прав и свобод) и 79 (принцип правовой определенности) Конституции РА.

2. Как в Российской Федерации (п. 4 ст. 15 Конституции РФ), так и в Республике Армения (ч. 3 ст. 5 Конституции РА) в случае коллизий между ратифицированными международными договорами и нормами законов применяются нормы международных договоров. Однако армянские специалисты по международному праву отмечают, что норму о приоритете ратифицированного международного договора в отношении закона не следует механически применять во всех случаях. При применении подобных норм, в особенности в области прав человека, государственные органы РА должны принимать во внимание концепцию о наибольшей защите прав человека, и в том случае, когда закон предусматривает более благоприятный режим для защиты прав человека, чем международный договор, следует отдать предпочтение именно внутрисубъективному праву [14. С. 107]. Из данной цитаты следует, что при разрешении коллизии между международно-правовой

нормой более высокой юридической силы, но неблагоприятной с точки зрения защиты прав человека, и законодательной нормой меньшей юридической силы, однако, благоприятной с точки зрения защиты прав человека, необходимо отдать предпочтение не коллизионной норме *lex superior*, а коллизионной норме, устанавливающей «приоритет нормы благоприятной для лиц»⁴.

3. Еще одной аксиоматической истиной является то, что законодательные нормы имеют приоритет над подзаконными нормами и в случае противоречий безоговорочно действует законодательная норма. Так, Кассационный суд РА в постановлении от 04.03.2011 г. обратился к следующему вопросу: может ли постановление Правительства РА быть применено и иметь верховенство над законом, если оно устанавливает более благоприятные условия для лица? По указанному делу Кассационный суд РА постановил, что основой решения коллизий правовых норм является принцип верховенства закона, а правило применения более предпочтительного для лица правового акта относится к нормативно-правовым актам, имеющим равную юридическую силу. Соответственно, Кассационный суд установил, что предусмотренное в ст. 2 Закона РА «О налогах» правило применения норм, установленных законодательством в пользу налогоплательщиков, также должно быть применено на основании принципа верховенства закона, следовательно, постановление правительства РА не может иметь верховенство над законом, даже если этим актом установлены более благоприятные условия для лица.

Тем не менее полагаем, что во всех случаях, когда на основании законодательного акта у частных лиц возникают правовые ожидания, с целью осуществления которых принимаются подзаконные акты, данные подзаконные акты необходимо применять. Принцип в том, что закономерно возникшие у лица правовые ожидания должны реализоваться посредством подзаконного либо индивидуально-правового акта, даже если данные акты впоследствии будут противоречить вступившим в силу законодательным актам более высокой юридической силы. Соответственно, в случае подобного противоречия необходимо применить не правило *lex superior*, а правило «приоритета нормы, благоприятной для лица».

Из вышесказанного можно заключить следующее:

1. Средствами разрешения коллизий являются как коллизионные нормы, закрепленные государ-

ством в позитивном праве, так и разработанные наукой коллизионные правила толкования. Как показало исследование, на практике возникают ситуации, когда для устранения противоречия между правовыми нормами могут применяться несколько коллизионных средств, т.е. возникает их конкуренция. От выбора коллизионного средства очень часто зависит исход дела, так как при конкуренции коллизионных норм компетентный орган, прежде чем разрешить спор по сути, должен провести всестороннее рассмотрение вопроса относительно выбора из целого ряда коллизионных норм и принять верное решение.

2. Указанная конкуренция разворачивается между коллизионными правилами «*lex superior derogat legi inferiori*», «*lex specialis derogate legi generali*», «*lex posterior derogat legi priori*», а также правилом «приоритета нормы, более благоприятной для лиц», которые были разработаны юридической доктриной и получили свое закрепление в современном законодательстве посредством коллизионных норм.

3. Как правило, при конкуренции коллизионных норм действует приоритет иерархической коллизионной нормы над иными коллизионными правилами и преимущество содержательной коллизионной нормы над темпоральной нормой. При отраслевых коллизиях равнозначных норм на первый план выдвигается правило *отраслевого приоритета*, которое имеет преимущество над содержательной и темпоральной нормами. Кроме того, согласно юридической доктрине правило отраслевого приоритета может иметь преимущество и над иерархической коллизионной нормой.

Согласно законодательству приоритет иерархической коллизионной нормы действует во всех случаях, за исключением наличия компетенционной коллизии, в случае которой преимущество может быть отдано компетенционной коллизионной норме. Кроме того, согласно правовой доктрине при иерархических коллизиях преимущество иерархической коллизионной нормы «*lex superior derogat legi inferiori*» над коллизионным правилом «приоритета нормы, благоприятной для лиц» не является столь однозначным. Применяя подобные нормы, особенно в области прав человека, государственные органы должны учитывать концепцию наибольшей защиты прав и свобод человека и гражданина и отдавать приоритет норме, более благоприятной для человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подтверждая идею отраслевого приоритета, Конституционный Суд пояснил, что «общие правила, в силу которых институты, понятия и термины других отраслей законодательства применяются в Налоговом кодексе Российской Федерации в том значении, в каком они используются в этих отраслях, лишь в случаях, когда они не определены непосредственно самим налоговым законодательством... не имеют самостоятельного значения и могут применяться лишь во взаимосвязи с конкретными положениями законодательства о налогах и сборах и нормами актов иных отраслей законодательства» (Определение Конституционного Суда РФ от 18.01.2005 № 24-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 3).

² Так, согласно ч. 2 ст. 42 УК Беларуси если преступление предусмотрено различными частями Особенной части настоящего Кодекса, из которых одна норма является общей, а другая – специальной, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме. Согласно ст. 424 ГК в отношении регулирования купли-продажи ценных бумаг и валютных ценностей или в отношении специальных видов страхования согласно ст. 860 применяются положения кодекса, если законодательством не установлено иное. Таким образом, можно предположить, что если в указанной сфере регулирования нормами специальных законов установлено иное и наличествует коллизия с Гражданским кодексом, то приоритет отдается специальным законам.

³ Так, несмотря на то что согласно ч. 2 ст. 12 закона РК «О правовых актах» нормы кодексов имеют большую юридическую силу и иные законы не должны им противоречить, данное правило не действует в случаях:

- 1) регулирования *специальными законами* отношений в области банковского права, а также деятельности хлебоприемных предприятий (ч. 3 ст. 3 Гражданского кодекса РК);
- 2) правового регулирования залогов воздушного и водного транспорта, который регулируется *специальными законодательными актами* (ч. 3 ст. 299 Гражданского кодекса РК).
- ⁴ Статья 4 Германской конституции 1919 г. гласит: «Общепризнанные нормы международного права имеют силу как обязательные составные части германского федерального права». Германский рейхсгерихт в августе 1928 г. определил, что, несмотря на ст. 4 Конституции, он обязан действовать по принципу *lex posterior derogat priori* (последующий закон отменяет предыдущий) и применить закон, противоречащий постановлению Версальского договора» (Оппенгейм Л. : Международное право. Т. I: Мир. Полутом 1 / пер. с 6-го англ. изд., доп. Г. Лаутерпахтом под ред. и с предисл. проф. С.Б. Крылова. М. : Гос. изд-во иностр. лит., 1948. С. 65).

ЛИТЕРАТУРА

1. Левин И.Д. Суверенитет. Институт права Академии наук СССР. М., 1948. 246 с.
2. Чашин А.Н. Римская доктрина как форма права в правовых системах СНГ // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 77–81.
3. Теория государства и права : учеб. / под ред. А. Гамбаряна и М. Мурадяна. Ереван : Лусабац, 2016 (на армян. языке).
4. Петров А.А., Тихонравов Е.Ю. Пробелы и коллизии в праве : учеб. и науч.-практ. пособие. М. : Проспект, 2017. 106 с.
5. Анцилотти Д. Курс международного права. Т. 1: Введение – Общая теория / пер. с четвертого итальянского издания А.Л. Сакетти и Э.М. Фабрикава; под ред. и с предисл. д-ра юрид. наук Д.Б. Левина. М. : Изд-во иностр. лит., 1961. 447 с.
6. Эннекперус Л. Курс германского гражданского права. Т. I, полутом I: Введение и общая часть / Л. Эннекперус, Т. Кипп, М. Вольф; пер. с 13-го нем. изд. проф. К.А. Граве, Г.Н. Полянской и В.А. Альтшулера; под ред., с предисл. и вводными замечаниями заслуженного деятеля науки проф. Д.М. Генкина и проф. И.Б. Новицкого. М. : Изд-во иностр. лит., 1949. 432 с.
7. Васильковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов. Для начинающих юристов. М. : Издание бр. Башмаковых, 1913. 158 с.
8. Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск, 1984. 99 с.
9. Ершов В.В. Судебная власть в правовом государстве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. 318 с.
10. Занина М.А. Коллизии норм права равной юридической силы (Понятие, причины, виды) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 26 с.
11. Петров А.А. Совпадение содержательной и темпоральной коллизий правовых норм // Журнал российского права. 2017. № 8 (248). С. 28–41.
12. Васев И.Н. Коллизионное правовое регулирование : учеб.-практ. пособие. М. : Юрлитинформ, 2016. 144 с.
13. Тилле А.А. Время, пространство, закон: действие советского закона во времени и пространстве. М., 1965. 203 с.
14. Комментарии к Конституции Республики Армения / под общ. ред. Г. Арутюняна, А. Вагаряна (на арм. яз.). Ереван : Иравунк, 2010. 1086 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 2 ноября 2018 г.

The Intricacy of Competition of Conflict Rules in Legal Science and Practice

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 201–209.

DOI: 10.17223/15617793/438/27

Artur S. Gambaryan, Russian-Armenian (Slavonic) University (Yerevan, Armenia). E-mail: artur.ghambaryan@gmail.com

Lilit G. Dallakyan, Russian-Armenian (Slavonic) University (Yerevan, Armenia). E-mail: lilit.dallakyan@rau.am

Keywords: conflict rules; competition of conflict rules; *lex superior derogat legi interior*; *lex specialis derogat legi generali*; *lex posterior derogat legi priori*.

The aim of the article consists in the examination of the intricacy of conflict rules and procedures for interpretation of conflict rules, of the issue of competition between means of conflict, and rules for solving the competition. Within the framework of the subject-matter, the issues of the perception of the means of conflict, of the competition of conflict rules in Russian and foreign doctrines, in conjunction with the legislative control and practice of solving the competition of conflict rules within the legal systems of the Russian Federation and certain post-Soviet states are being examined. In order to solve conflicts, contemporary legal systems have special regulations, conflict rules, consolidated in civil law (*lex lata*) and aimed at showing the law enforcer which contradicting legal regulation is to be preferred. Furthermore, certain criteria for interpretation have been established within the framework of legal hermeneutics (the rules of interpretation of conflict rules) aimed at assisting the law enforcing body in choosing between conflicting rules in terms of their application. Nevertheless, there may arise certain circumstances, in the context of which several means of conflict rules may be used for eliminating the contradiction between the legal regulations, so that a competition may arise between them. Competition takes place between the conflict rules such as “*lex superior derogat legi interior*”, “*lex specialis derogat legi generali*”, “*lex posterior derogat legi priori*”, as well as the “priority of a more favorable rule”. This way, a superior legal regulation (which was adopted earlier) may contradict a subsequently adopted inferior regulation (the so-called complex conflict, which consists of hierarchical and temporal elements). A subsequently adopted general legal rule may contradict an earlier adopted special regulation (the so-called complex conflict, which consists of temporal and substantial elements). A subsequently adopted general legal rule with a superior legal effect may contradict an earlier adopted special rule with an inferior legal effect (three elements of conflict, such as hierarchical, temporal and substantial, can be observed here). The study of research works of Russian, German, Italian and Armenian scholars, as well as of the legislative control and practice of solving the competition of means of conflicts, shows that while solving the competition of conflict rules the following rationale is applied: a hierarchical conflict rule has a priority over other conflict rules; a substantial conflict rule is preferred over a temporal rule; in cases of legal branch conflicts, the branch conflict rule dominates over substantive, temporal and hierarchical rules. The priority of a hierarchical conflict rule does not apply in the instances of competence conflicts: in such circumstances, the priority is granted to a competence conflict rule. Furthermore, in accordance with the legal doctrine, the primacy of the hierarchical conflict rule *lex superior derogat legi interior* over the “priority of a more favorable” conflict rule is unambiguous. While applying such rules (especially in the field of human rights protection), state bodies should take into consideration the concept of the higher degree of protection of human/citizen rights and freedoms and grant priority to the rule which has more favorable consequences for persons.

REFERENCES

1. Levin, I.D. (1948) *Suverenitet. Institut prava Akademii nauk SSSR* [Sovereignty. Institute of Law of the Academy of Sciences of the USSR]. Moscow: USSR Ministry of Justice.

2. Chashin, A.N. (2018) The Roman doctrine as a form of law in the legal systems of the CIS. *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii – Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia*. 2 (42). pp. 77–81. (In Russian).
3. Gambaryan, A. & Muradyan, M. (eds) (2016) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Yerevan: Lusabats. (In Armenian).
4. Petrov, A.A. & Tikhonravov, E.Yu. (2017) *Probely i kollizii v prave* [Gaps and conflicts in the law]. Moscow: Prospekt.
5. Anzilotti, D. (1961) *Kurs mezhdunarodnogo prava* [Course of international law]. Translated from Italian by A.L. Saketti i E.M. Fabrikov. Vol. 1. Moscow: Izd-vo inostr. lit.
6. Ennekzerus, L. (1949) *Kurs germanskogo grazhdanskogo prava* [Course of German civil law]. Translated from German by Prof. K.A. Grave, G.N. Polyanskaya, V.A. Al'tshuler Vol. I. Moscow: Izd-vo inostr. lit.
7. Vas'kovskiy, E.V. (1913) *Rukovodstvo k tolkovaniyu i primeneniyu zakonov. Dlya nachinayushchikh yuristov* [Guide to the interpretation and application of laws. For novice lawyers]. Moscow: Izdanie br. Bashmakovykh.
8. Vlasenko, N.A. (1984) *Kollizionnye normy v sovetskom prave* [Conflict norms in Soviet law]. Irkutsk: Irkutsk State University.
9. Ershov, V.V. (1992) *Sudebnaya vlast' v pravovom gosudarstve* [The judicial authority in a legal state]. Law Dr. Diss. Moscow.
10. Zanina, M.A. (2008) *Kollizii norm prava ravnoy yuridicheskoy sily (Ponyatie, prichiny, vidy)* [Conflicts of the norms of law of equal legal force (Concept, causes, types)]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
11. Petrov, A.A. (2017) The Congruence between Substantive and Temporal Collision of Law. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 8 (248). pp. 28–41. (In Russian).
12. Vasev, I.N. (2016) *Kollizionnoe pravovoe regulirovanie* [Conflict legal regulation]. Moscow: Yurlitinform.
13. Tille, A.A. (1965) *Vremya, prostranstvo, zakon: deystvie sovetskogo zakona vo vremeni i prostranstve* [Time, space, law: the action of Soviet law in time and space]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
14. Arutyunyan, G. & Vagarshyan, A. (eds) (2010) *Kommentarii k Konstitutsii Respubliki Armeniya* [Commentaries to the Constitution of the Republic of Armenia]. Yerevan: Iravunk. (In Armenian).

Received: 02 November 2018